

Научная статья

УДК 94(470.53)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-120-129

Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы)

Михаил Константинович Чуркин

Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия

Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук
Тобольск, Россия

proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Аннотация

На материалах публикаций, посвященных празднованию 300-летия присоединения Сибири к России, раскрывается содержание дискурса торжеств 26 октября 1881 г. в столичных центрах Российской империи как перспективной модели консолидации власти и общества в решении государственных задач на восточных окраинах империи. В процессе исследования выявлены основные «площадки» юбилейного дискурса, а также церемониальные и нарративные компоненты коммеморации покорения Сибири в контексте формулирования и трансляции текущих имперских сценариев инкорпорации Азиатской России в общеимперское пространство. Установлено, что дискурс юбилейных торжеств обозначил как приоритеты власти в рефлексии и практической реализации задач империостроительства на востоке страны, так и ее потенциальную готовность к продуктивной коммуникации с общественными силами.

Ключевые слова

Азиатская Россия, юбилейные торжества, юбилейный дискурс, имперские сценарии, имперская инкорпорация, коммеморации

Для цитирования

Чуркин М. К. Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 120–129. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-120-129

© Чуркин М. К., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 1: История. С. 120–129

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 120–129

Scenarios of Imperial Incorporation of Asiatic Russia within the Discourse of Celebrations Dedicated to the 300th Anniversary of Russian Expansion into Siberia (1881–1882)

Mikhail K. Churkin

Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation

Tobolsk Complex Research Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation

proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Abstract

Based on materials from publications dedicated to the celebration of the 300th anniversary of the Russian expansion into Siberia, the article reconsiders the content of the discourse of celebrations that happened on October 26, 1881, in the capital centers of the Russian Empire, as a promising model for the consolidation of the authorities and society in solving critical issues facing by the government in the eastern outskirts of the empire. The historiographical review reveals that researchers show solidarity in choosing the timing of the anniversary events. The scholars conducted a thorough analysis of the discussions surrounding the determination of the time of celebration in the discourse of authorities and society. They concluded that the debates about the precise dates and years of the “Siberian conquest” were peripheral in nature and not of significant concern in the professional community or public opinion. The study identifies the main “platforms” of the jubilee discourse, as well as the ceremonial and storytelling aspects of the commemoration, dominated during the celebration of the Russian Expansion into Siberia, in the context of formulating and translating the current imperial scenarios to incorporate Asian Russia into the general imperial space. It has been established that the ceremonial components of the jubilee discourse outlined the priorities of the imperial center in making decisions of a colonization nature. The narrative part of the discourse showcased the willingness and ability of the authorities to engage with the social forces. This was particularly evident in the discussion and formulation of the programmatic narrative, which focused on the inclusion of Asian territories in the empire. The discourse emphasized the paramount importance of connecting the European and Asian parts of Russia by rail and introduced flexible algorithms for resolving foreign issues. Furthermore, the discourse aimed to reduce the share of exile as a tool of colonization and promote government-level involvement in the resettlement process.

Keywords

Asiatic Russia, anniversary celebrations, anniversary discourse, imperial scenarios, imperial incorporation, commemorations

For citation

Churkin M. K. Scenarios of Imperial Incorporation of Asiatic Russia within the Discourse of Celebrations Dedicated to the 300th Anniversary of Russian Expansion into Siberia (1881–1882). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 1: History, pp. 120–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-1-120-129

В системе координат публичных мемориальных практик, определяемых как коммеморации [Хальбвакс, 2005; Ассман, 2014] и ориентированных на актуализацию знаковых исторических событий в культурной памяти общества, заметное место занимают юбилеи – массовые торжества, рубежные праздники, не только выполняющие интегративные функции, но и содержащие в себе манипулятивный ресурс, используемый властью с целью поддержания в социуме коммуникативного согласия в отношении сценариев организации политического пространства [Дмитриева и др., 2020; Шуб, 2016; Красильникова, Наумов, 2023].

В этой связи тема научно-исследовательской рефлексии юбилейных мероприятий, посвященных празднованию 300-летия присоединения Сибири к России в дореволюционный период, достаточно широко освещена в отечественной историографии. Примечательно, что в исследовательских практиках последних десятилетий истории, включаясь в ситуацию «мемориального поворота» в отечественной гуманитарной науке, развернулись к проблеме раскрытия символических смыслов коммеморативных торжеств, предназначенных для «широкой артикуляции политических, экономических, социальных и культурных задач» [Кра-

сильникова, Наумов, 2023, с. 82], реализуемых имперской властью на восточных окраинах, актуализации общественного интереса к Сибири и «вовлечении ее в орбиту пристального правительственного и общественного внимания» [Ремнев, 2007, с. 34], «обосновании экстренной необходимости реформ в отдаленном регионе» [Шиловский, 2013, с. 13]. Авторы публикаций в целом продемонстрировали солидарность в вопросе о выборе сроков проведения юбилейных мероприятий. Детальный разбор обстоятельств определения в дискурсе власти и общества времени празднования, предпринятый исследователями, дал им возможность утверждать, что дискуссии о точных датах и годах «сибирского взятия», шедшие в профессиональном сообществе и в общественном мнении, интонационно и содержательно являлись второстепенными, уступая место артикуляции нового «сценария власти», в котором имперская тема должна быть наполнена национальным содержанием, воплощенным в идее «народного самодержавия» [Ремнев, 2007, с. 36]. Внутриполитическая ситуация в России, сложившаяся после акта цареубийства в марте 1881 г., и обозначившаяся тенденция «охранительного» курса с восшествием на престол Александра III предполагали оперативность принятия таких идеологических решений, в которых сюжеты приобретения Сибири прозвучали бы как составляющий элемент программы единения народа и власти.

Опыт историографической рефлексии обстоятельств организации юбилейных торжеств по случаю 300-летия присоединения Сибири к России позволяет высказать ряд принципиальных замечаний, имеющих непосредственное отношение к предметному полю и области целеполагания настоящей статьи:

Во-первых, исторические события, связанные со взятием Ермаком Искера 26 октября 1581 г., рассматривались имперскими чиновниками как достаточный повод для старта юбилейной кампании в столичном формате, вполне подконтрольном власти. Составители брошюры о праздновании в Москве и Санкт-Петербурге дня 26 октября 1581 г., объясняя предъюбилейную «лихорадку» в 1881 г., констатировали, что «ожидание вступления в период трехсотлетия, не могло не выразиться заявлением общественного чувства», которое, как они утверждали, генерировалось сибиряками, живущими в столице (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 4). Для сибирского населения была предложена другая дата юбилейных торжеств – 6 декабря 1582 г., символизирующая акт принятия Сибири в русское подданство, что позволяло купировать сепаратистские настроения в условиях идеологически неустойчивой российской окраины.

Во-вторых, торжественные мероприятия, проведенные превентивно (26 октября 1881 г.) в столичных центрах империи, позиционировались в качестве «площадки» репрезентации программы империостроительства на востоке страны, приоритета центра над периферией, Сибири как окраины, а не колонии России. В этом плане показательна реакция имперского центра на эксцессы стихийного празднования сибирского юбилея в Томске, Тобольске, Иркутске и других городах Азиатской России в октябре 1881 г., косвенно зафиксированная в определении Святейшего Синода за № 1528 от 28 июля – 11 августа, в котором говорилось буквально следующее: «Имея в виду, что широкое празднование этого события отклоняется, генерал-лейтенант Анучин, в отзыве за № 876, предполагает, определив день празднования 6-го декабря, ограничиться тем, чтобы в этот день освободить присутственные места от занятий, а воспитанников учебных заведений от уроков и отслужить торжественные молебствия» (Томские епархиальные ведомости, 1882, 15 нояб., с. 617).

В-третьих, в осмыслении представителями научного сообщества торжеств 1881 г. можно встретить определение презентации 300-летия присоединения Сибири к России в качестве неудачного символического акта локальной исторической политики, поскольку набор нарративов, адресованных локальному сообществу, вызвал заинтересованность лишь небольшого числа людей (областники, региональные деловые элиты и часть чиновничества [Чернышов, 2023, с. 176]). Вряд ли можно согласиться с подобным тезисом, учитывая, что в 1880-х гг. в общественно-политическом и властном дискурсе кардинальным образом меняются представления об Азиатской России как имперской окраине, формируются основы переселен-

ческой политики, актуализируется функция и роль крестьянства как главного субъекта освоения восточной периферии, что развивалось на фоне эскалации переселенческого движения и неизбежно приводило к расширению круга лиц (в том числе чиновничества), ответственных за организацию колонизационного дела. В данном отношении имперский нарратив, отраженный в юбилейных текстах, рассматривался как модель программных установок, общее руководство по реализации практических задач инкорпорации Сибири в общеимперское пространство.

Отталкиваясь от вышеозначенных размышлений, мы обозначаем цель статьи как раскрытие содержания дискурса торжеств 26 октября 1881 г. в столичных центрах Российской империи, репрезентируемого в материалах празднования юбилея как перспективной программы консолидации власти и общества в решении государственных задач на восточных окраинах империи.

В качестве основного источника исследования в работе использована брошюра, изданная в начале 1882 г. по итогам празднования в Санкт-Петербурге и Москве 300-летия присоединения Сибири к России (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882), на страницах которой были обозначены не только основные «площадки», каналы и способы трансляции проблемных вопросов инкорпорации азиатских территорий в состав России, но и в программном ключе определены векторы имперской политики в отношении восточных окраин, сформулированы алгоритмы консолидации власти и общества в обсуждении на властном и общественном уровне наиболее острых сибирских вопросов. Как вспомогательные источники к исследованию были привлечены материалы региональной периодической печати светского и церковного происхождения, использование которых предполагало выявление моделей реагирования местных сообществ на предлагаемый центром формат празднования 300-летия «сибирского взятия» и готовность воспринимать и транслировать разработанный властью имперский нарратив единения народа и самодержавия.

Методологически решение задач статьи реализуется в рамках новой культурно-интеллектуальной истории и ситуации лингвистического поворота рубежа XX–XXI вв., предполагающей, по утверждению Х. Уайта, способность исследователя вслушиваться в дискурс, потому что история говорит языком текста [Уайт, 2002, с. 87]. В данном плане текстовые репрезентации празднования 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России образуют единое дискурсивное пространство конструирования в российском обществе представлений о восточных окраинах и способах их ментального освоения во второй половине XIX – начале XX в.

Обращение к структурной композиции брошюры, посвященной описанию ситуации празднования в Санкт-Петербурге и Москве 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России, позволяет согласиться с тезисом А. В. Ремнева: «в имперском сценарии сибирского юбилея превалировало не только утверждение заслуг России перед Сибирью, но и стремление увязать стихийное народное движение на восток с геополитическим обоснованием имперской “географии власти”» [Ремнев, 2007, с. 42].

В преамбуле редакционным коллективом предельно четко маркировались основные доводы в пользу необходимости проведения юбилейных торжеств.

Формулируя необходимость сбора и систематизации материалов, посвященных празднованию в Петербурге и Москве юбилейной даты присоединения Сибири к России, авторы-составители презентовали свою брошюру «как исторический памятник, прямо относящийся... к характеристике общественного отношения к событию» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 4).

Подчеркивалось, что главным инициатором организации сибирского юбилея выступили местные уроженцы (сибиряки), увидевшие в предстоящих торжествах способ презентации и «продвижения» отдаленной окраины в российском обществе: «Тот интерес и то внимание, которое возникло в сибирских городах к юбилею, показывает, что сибирское общество на-

чало более внимательно относиться к своей исторической жизни и исполнено некоторого сознания» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 3).

Значимым для составителей изначально являлся вопрос о дате проведения юбилея, что репрезентируется ими в противопоставлении двух событий – взятия Искера (26 октября 1581 г.) и донесения о нем московскому государю (1582 г.). Проблема датировки не случайно оказалась в центре внимания авторов, поскольку вписывалась в дискурс движущих сил завоевания Сибири, имела большое политическое значение и рассматривалась представителями интеллигенции, в том числе национальной, как способ манифестации либеральных взглядов на процесс инкорпорации окраин в общеимперское пространство (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 3).

Наконец, возможность проведения юбилейных мероприятий рассматривалась авторами брошюры в качестве «площадки» коммуникации и консолидации региональных (сибирских) общественных сил: «Не имея возможности устроить празднование пышное и торжественное, уроженцы Сибири, в Петербурге и Москве, решили собраться на обед и провести этот день вместе, обменявшись чувствами и мыслями. Так как многие сибиряки в столицах не были знакомы между собой, собрать их частными извещениями было бы трудно...» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 4).

В тексте брошюры достаточно отчетливо прослеживаются два коммеморативных компонента: церемониальный и нарративный. Так, церемониальный компонент репрезентации Азиатской России в юбилейной брошюре включает описание атмосферного фона праздничного обеда в Петербурге, посвященного 300-летию присоединения Сибири. Составители, подчеркнув в преамбуле обширность восточной окраины империи, сочли адекватным упомянуть о массовости, статусности и торжественности мероприятия, в котором приняло участие более 200 чел.: «Среди присутствующих виднелись генералы, профессора, доктора, студенты, уроженцы Сибири, учащиеся девицы, курсистки и дамы, которым Сибирь была близка по воспоминаниям. В обеде участвовали почти все члены комитета Общества Содействия промышленности и торговле» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 5). Символическая значимость юбилейного мероприятия оттенялась особым антуражем: «Большая зала была освещена электрическим светом. На сцене, украшенной растениями, левая сторона которой состояла из елей и сосен, покрытых снегом, спускался большой электрический фонарь в виде солнца, освещая золотой венок на спущенной занавеси с надписью «26 октября 1581–1881 г.»» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 5). Церемониальным апофеозом торжественного обеда стало специальное сибирское меню, в котором «из отличительных блюд были... сибирские пельмени (по обыкновению в супе), рябчики с салатом из северных ягод и мороженое из облепихи» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 5).

Нарративный компонент юбилея составлен из застольных речей непосредственных участников обеда. В петербургской и московской части программы составители выделили соответственно 11 и 5 выступлений, в которых были предметно освещены ключевые темы колониального вопроса в связи с историческими обстоятельствами и современными задачами инкорпорации восточных окраин в состав империи.

Одной из значимых в выступлениях ораторов являлась тема Сибири как колонии / внутренней окраины Российской империи. Так, распорядитель торжественного обеда в Санкт-Петербурге тайный советник Б. А. Милютин в своей речи, весьма характерной для общественно-политического дискурса 1880-х гг., высказал мысль о том, что с момента своего включения в состав России до 20-х гг. XIX в. Сибирь воспринималась как неотъемлемая часть общегосударственного пространства, однако с начала реформ М. М. Сперанского отдаленный регион стал котироваться в качестве колонии России, что проявилось в формах особого административного устройства и особых практиках управления в отношении окраинных территорий (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 6). О недопустимости представлений о Сибири как отдельной стране говорил на банкете и Г. Грацианский: «Си-

бирь – окраина по преимуществу русская, не имеющая преобладающего чуждого элемента. Все прошедшее Сибири русское, и хотя мы празднуем трехсотлетие, но по праву Сибирь должна считаться ровесницей России» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 14). Данные тезисы Б. А. Милютина и Г. Грацианского о Сибири как неотделимой части России и ее естественно-географическом и ментальном продолжении, исключавшие любые проявления регионального сепаратизма, оказались существенно скорректированы в речах других видных сибиряков. В частности, председатель совета Покровского приходского попечительства К. П. Мейбаум подчеркнул, что многие сибиряки, в детстве вывезенные в Европейскую Россию, «лишены возможности служить своей родине» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 12). В этой связи, по словам оратора, цель обеда заключается «не в праздновании присоединения Сибири к России, а в объединении сибиряков в интересах развития края в промышленном, торговом и образовательном отношениях» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 12–13).

Несмотря на имевшиеся разногласия относительно статуса Сибири, большинство докладчиков сошлись во мнении о необходимости проведения гражданских реформ в крае, в том числе и в аспекте организации земских учреждений и судопроизводства аналогичного российскому (Н. М. Ядринцев, К. П. Мейбаум, Г. Шреер и др.) (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 13).

Центральное место в юбилейном дискурсе было отведено составителями национальному (инородческому) вопросу в Сибири, который тесно корреспондировал с другими значимыми сюжетами региональной действительности восточных окраин: переселенческим делом и просвещением. Общий дискуссионный тон был задан в речи ротмистра лейб-гвардии атаманского полка Гази Валиханова. Выскажем предположение, что Г. Валиханов, будучи одним из авторов юбилейной брошюры, вполне обоснованно счел возможным и даже необходимым включить свои соображения в текст, выражая не только свою точку зрения, но и общую позицию казахской интеллигенции относительно колониационного процесса и алгоритмов решения национального вопроса в связи с переселенческим движением и административной политикой империи на восточных окраинах страны. Основным пафос его речи заключался в «великом значении объединения, необходимого между киргизами (казахами) и другими сибирскими племенами с народностью русской» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 8). В своем выступлении Г. Валиханов косвенно затронул тему имперского оцентровывания отдаленной окраины посредством железнодорожного строительства и соединения таким образом европейской и азиатской частей России, тем самым дав понять, что железная дорога со временем сотрет препятствия для межэтнической и межкультурной коммуникации всех групп и слоев населения Сибири (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 8). Речь Г. Валиханова с призывом к объединению индигенных народов с русскими далеко не однозначно была воспринята в «застольном» сообществе, в том числе среди так называемых «охранителей», отстаивавших принцип «Россия для русских». Так, земский врач П. Н. Прохоров в благих целях защиты и продвижения просвещения высказывался в имперском тоне: «Мы, русские, на Востоке... являемся распространителями христианской цивилизации между инородцами...» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 9). Стоит обратить внимание, что национал-консервативные мотивы в банкетных речах присутствовали повсеместно, что наглядно демонстрировало ориенталистский и социал-дарвинистский взгляд российского общества на национальный вопрос в контексте решения колониационных задач. Вот лишь некоторые часто используемые риторические обороты в речах ораторов: «великое русское дело», «все прошедшее Сибири русское» и т. д. (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 14–17).

Соображения Г. Валиханова о межкультурном взаимодействии и этническом сближении стимулировали не только шовинистические эскапады, но и понимание важности для распространения в азиатской части империи просветительских идей и ценностей образования. Наиболее наглядно данное настроение транслировалось в речах, в которых авторы отмечали

решающую роль в преодолении сибирского абсентеизма таких учреждений, как Западно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества (П. П. Семенов), сибирского университета (Н. М. Ядринцев). Симптоматично, что если в ходе петербургского банкета упоминание университета носило эпизодический характер, то в рамках аналогичного собрания в Москве этому учреждению было посвящено полностью несколько речей (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 21–23).

Отдельным сюжетом, включенным авторами в текст материалов о юбилейных торжествах, стал вопрос о Сибири как месте ссылки, что, по мнению многих ораторов, прямо и косвенно способствовало распространению в регионе таких пагубных явлений, как административный произвол и ограничение всех категорий населения в правах и свободах. Инициатором темы ссылки и каторги на торжественном обеде выступил Г. Фойницкий, заявивший в своей речи об отрицательном в нравственном влиянии этой меры на сибирское общество (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 11). В данной связи Г. Грацианский заметил, что взгляд на Сибирь и восточные окраины со стороны государства подобен представлению об этих землях как о неприятельской, только что покоренной стране со своими особыми законами (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 14).

В более широком контексте тема соприкосновения ссылки и административного произвола получила развитие в московской части торжеств в речи русского купца, писателя и общественного деятеля Н. М. Чукмалдина, заявившего следующее: «Наше русское общество во весь трехсотлетний период существования Сибири ошибочно думало, что Сибирь только “золотое дно” и делало историческую ошибку, ссылая туда массу преступников и мало обращая внимания на личные качества административного персонала, управлявшего Сибирью» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 19).

Следует отметить, что авторы материалов, в частности Г. Валиханов, понимая ограниченность возможностей в рамках небольшой брошюры представить весь спектр мнений и тематических блоков, посвященных реакции российского и сибирского общества на юбилейное событие, использовали специальные журналистские приемы, направленные на формирование представлений читателя о значимости события.

Так, в описании торжественного обеда включена фраза, призванная подчеркнуть масштабность действия: «Долго не вставало из-за стола собравшееся общество; один за другим провозглашались различные тосты, и дружно поднимались бокалы во имя лучших надежд и стремлений громадной страны...» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 22). Такой прием позволил авторам обозначить ряд важных проблем, не озвученных в ходе основной части заседания, но проговариваемых в отдельных тостах: за улучшение положения женщин в Сибири, за здоровье путешественников (исследователей) и тех, кто в дальний путь отправлялся вынужденно (переселенцев), за скорейшее осуществление проектов железной дороги, за школьных и гимназических учителей (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 22–23).

Не менее значимым представляется и стремление авторов рельефно обозначить заинтересованность в юбилейных торжествах и озабоченность сибирской тематикой максимальной широкой аудитории, не участвовавшей по разным обстоятельствам в праздновании. Решить эту проблему удалось посредством публикации кратких поздравительных телеграмм и перепечатки фрагментов заметок, статей, фельетонов, присланных редакционными коллективами периодических изданий («Сибирь», «Сибирская газета», «Русские ведомости», «Московский телеграф», «Неделя», «Правительственный вестник» и др.); высказываний частных лиц, чья деятельность была тесно связана с регионом (Д. И. Менделеев, В. А. Арцимович, М. И. Венюков, Е. В. Богданович и др.); приветствий от городских общин (Хабаровск, Тюмень, Кяхта, Троицкосавск, Енисейск, Москва) (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 15–35).

Анализ содержания дискурса празднования 300-летия присоединения Сибири к России 26 октября 1881 г. на столичных «площадках» позволяет сделать ряд предварительных выво-

дов. Прежде всего обращает на себя внимание церемониальный сценарий юбилейных торжеств, призванный подчеркнуть особую значимость Санкт-Петербурга как центра принятия решений и формулирования программных положений, репрезентирующих представления имперской власти о важнейших задачах государственной политики, в частности в колониальной сфере. Прерогативы столицы империи были продемонстрированы в контрастности проведения юбилейных мероприятий в Санкт-Петербурге и Москве. В последней организаторам удалось собрать незначительное число участников (90 чел.), преимущественно сибиряков. По словам составителей брошюры, обед в Москве носил совершенно частный характер: «...на колоннах в зале были прибиты две небольшие старинные гравюры, изображающие Ивана Грозного и Ермака, окруженных лавровыми венками. На хорах играл оркестр Рябова» (Празднование в Петербурге и Москве..., 1882, с. 18). Еще более разительными являются различия, с точки зрения внешних эффектов, в организации церемониальной части юбилейных мероприятий в центре империи и сибирских городах, в которых власти ограничились молебнами, литургиями, скромными обедами с малым количеством присутствующих (Томские епархиальные ведомости, 1882, 15 нояб., с. 618; 15 дек., с. 704).

Вместе с тем дискурс юбилейных торжеств, в нарративном его исполнении, продемонстрировал определенную пластичность власти в репрезентациях имперских сценариев инкорпорации Азиатской России. И здесь складывалась довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, внутривластная обстановка, сложившаяся в России к началу 1880-х гг., располагала к купированию реформ, разворачиванию «охранительного» курса и реализации имперских практик доминирования и принуждения по отношению к подданным, как в центре, так и на окраинах страны. С другой стороны, национал-консервативные проекты колонизации окраин империи, активно обсуждаемые и насаждаемые в первые пореформенные десятилетия (распространение дворянского землевладения, русификация коренных народов), показали свою полную несостоятельность в связи с эскалацией переселенческого движения второй половины XIX в. Жестко расправившись с проявлениями сепаратизма и ограничив общественную активность сибирской интеллигенции в «вегетарианскую» эпоху либеральных реформ, в ситуации их свертывания власть обратилась к разработке моделей такого варианта коммуникации с представителями региональной общественности, который усилил бы эффективность продвижения и реализации имперских планов на востоке страны. Таким образом, дискурс празднования 300-летия присоединения Сибири к России, проиллюстрировал не только сервильность регионального социума и готовность к исполнению решений центральной власти, но и расположенность имперских сил к коллаборации с обществом, что наглядно проявилось в обсуждении и формулировании программного нарратива включения азиатских территорий в состав империи, фиксировавшего первостепенную значимость соединения европейской и азиатской частей России железнодорожным путем, гибких алгоритмов урегулирования инородческого вопроса, снижения удельного веса ссылки как инструмента колонизации, выведения переселенческого дела на правительственный уровень.

Список литературы

- Ассман А.** Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
- Дмитриева О. О., Иванова Т. Н., Минеева Е. К.** Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия Российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 280–291.
- Красильникова Е. И., Наумов С. С.** Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904–2016 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2023. № 82. С. 81–88.

- Ремнев А. В.** 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 1. С. 34–50.
- Уайт Х.** Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Хальбвакс М.** Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения 03.06.2023).
- Чернышов С. А.** Празднование 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске: неудавшийся акт локальной исторической политики // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 168–178.
- Шиловский М. В.** Празднование «сибирского дня» в дореволюционный период // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 12–15.
- Шуб М. Л.** Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.

Список источников

- Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 года. СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1882. 42 с.
- Томские епархиальные ведомости. 1882. № 22. 15 нояб.; № 24. 15 дек.

References

- Assman A.** Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p. (in Russ.)
- Chernyshov S. A.** Prazdnovanie 300-letiya prisoedineniya Sibiri k Rossii v Krasnoyarske i Irkutске: neudavshiysya akt lokal'noi istoricheskoi politiki [Celebrating the 300th Anniversary of the Joining of Siberia to Russia in Krasnoyarsk and Irkutsk: A Failed Act of Local Historical Politics]. *Gumanitarnyi vector [Humanitarian Vector]*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 168–178. (in Russ.)
- Dmitrieva O. O., Ivanova T. N., Mineeva E. K.** Istoricheskie yubilei kak tseremonial'naya kommemorativnaya praktika (sravnitel'nyi analiz prazdnovaniya 1000-letiya Rossiiskoi gosudarstvennosti, 100-letiya Otechestvennoi voyny 1812 goda i 300-letiya tsarstvovaniya doma Romanovykh v Rossiiskoi imperii) [Historical Anniversaries as a Ceremonial Commemorative Practice (A Comparative Analysis of the Celebration of the 1000th Anniversary of Russian Statehood, the 100th Anniversary of the Patriotic War of 1812 and the 300th Anniversary of the Reign of the Romanovs in the Russian Empire)]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2020, no. 72, pp. 280–291. (in Russ.)
- Halbwachs M.** Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyy zapas [Emergency Stash]*, 2005, no. 2–3 (40–41). (in Russ.) URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (accessed: 03.06.2023).
- Krasilnikova E. I., Naumov S. S.** Prazdnovanie trekhstoletnikh yubileev sibirskikh gorodov kak otrazhenie gosudarstvennoi i regional'noi politiki pamyati (1904–2016 gg.) [Celebrating the Tercentenary Anniversaries of Siberian Cities as a Reflection of the State and Regional Politics of Memory (1904–2016)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 2023, no. 82, pp. 81–88. (in Russ.)
- Remnev A. V.** 300-letie prisoedineniya Sibiri k Rossii: v ozhidanii "novogo istoricheskogo perioda" [300th Anniversary of the Annexation of Siberia to Russia: In Anticipation of a "New Historical Period"]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri [Cultural Studies in Siberia]*, 2007, no. 1, pp. 34–50. (in Russ.)

- Shilovsky M. V.** Prazdnovanie “sibirskogo dnya” v dorevolutsionnyi period [Celebration of the “Siberian Day” in the Pre-revolutionary Period]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanitarian Sciences in Siberia]*, 2013, no. 2, pp. 12–15. (in Russ.)
- Shub M. L.** Sovremennye kommemorativnye praktiki: obrazovatel’nyi i vospitatel’nyi potentsial [Modern Commemorative Practices: Educational Potential]. *Chelyabinskii gumanitarii [Chelyabinsk Humanitarian]*, 2016, no. 3 (36), pp. 80–87. (in Russ.)
- White H.** Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka [Metahistory: The Historical Imagination in 19th Century Europe]. Trans. by E. G. Trubina, V. V. Kharitonov. Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo Universiteta, 2002, 528 p. (in Russ.)

List of Sources

- Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnya 26 oktyabrya 1581 goda [Celebration in St. Petersburg and Moscow on October 26, 1581]. St. Petersburg, Tipografiya F. Eleonskogo, 1882, 42 p. (in Russ.)
- Tomskie eparkhial’nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette], 1882, no. 22, Nov. 15; no. 24, Dec. 15. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Константинович Чуркин, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57188640644
WoS Researcher ID AAQ-8591-2021

Information about the Author

Mikhail K. Churkin, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57188640644
WoS Researcher ID AAQ-8591-2021

*Статья поступила в редакцию 26.06.2023;
одобрена после рецензирования 27.07.2023; принята к публикации 28.08.2023
The article was submitted on 26.06.2023;
approved after reviewing on 27.07.2023; accepted for publication on 28.08.2023*